

Русская литература, No 3, 2003
OCR Бычков М.Н.

До недавнего времени мы знали о парижских впечатлениях Карамзина и о самом его времяпровождении там только из Письма в "Зритель" и из "Писем русского путешественника", подвергавшихся, как мы знаем, и цензуре, и автоцензуре. Публикация парижского дневника Вильгельма Вольцогена, того самого Вольцогена,¹ о котором с таким жаром вспоминает Карамзин, отчасти помогает восстановить обстоятельства жизни Карамзина в Париже за те два с половиной месяца, что он там прожил.

Не располагал парижским дневником Вольцогена и автор очень содержательной статьи о Карамзине и Вольцогене -- У. Леман.² Наблюдения исследователя касаются отношения Карамзина к его переводам на немецкий и их переводчика Рихтера. Как сообщает Леман, "Каролина фон Вольцоген указывала, что ее муж, по желанию Карамзина, просил наградить Рихтера каким-либо веймарским титулом, и эта просьба была выполнена".³ Эти сведения подтверждаются в письмах Карамзина к Вольцогену от 28 октября 1802 года⁴ и от 21 сентября 1803 года.⁵

Как сообщает автор вступительной статьи к дневнику и его публикатор Кристоф фон Вольцоген, барон Вильгельм фон Вольцоген (1762--1809) принадлежал к родовитой вюртембергской семье, обучался в военной академии (1775--1784), где одновременно учился и Фридрих Шиллер, который, как известно, нашел убежище от обязательной военной службы в Бауэрбахе у Генриетты Вольцоген, матери Вильгельма. Позднее Вольцоген породнился с Шиллером, женившись на Каролине фон Лангенфельд, на младшей сестре которой, Шарлотте, женился Шиллер (Р. 9--13). Помимо семейных связей между Шиллером и Вольцогеном возникли дружеские отношения и переписка.

В сентябре 1788 года герцог Вюртембергский послал Вольцогена в Париж. Там он пробыл безвыездно до 25 мая 1791 года. Вторично он был послан туда в 1793 году для занятий архитектурным черчением. В Париже у него завязались разнообразные знакомства с жившими там немецкими художниками, а также, через посредство архитектора Делянуа, со знаменитым французским художником Давидом. Сближается он, по-видимому через вюртембергского посла в Париже Ригера, с князем Б. Голицыным, жившим тогда в Париже, а через него с сотрудниками русского посольства и в конечном счете, возможно через них, с Карамзиным.

В Париже Вольцоген ведет обычный для любознательного приезжего образ жизни: "Архитектура, театр, искусства и светская жизнь <...> все это перечисляется автором дневника с точностью "физиономиста", его характеризующей" (Р. 11). В нашем распоряжении был только французский перевод дневника Вольцогена с многочисленными купюрами, не объясненными издателями. Общее впечатление от дневника, как я решаюсь выразиться, -- раздражающее. Молодой человек, вырвавшийся из-под опеки "ориентального деспотизма" в родном Вюртемберге и попавший во Францию, меньше всего (за рядом исключений, приводимых ниже) пишет в своем дневнике о политических событиях. Он занят уроками архитектурного черчения, поддерживает дружеские отношения с немцами и русскими парижанами. Но в дневник не попадает ничего или почти ничего из тех бесед, которые, конечно, велись у Вольцогена с его знакомыми.

Так же мало мы узнаем из дневника о разговорах с Карамзиным. О возможном содержании их бесед прекрасно и прочувствованно написал Ю. М. Лотман в "Сотворении Карамзина", не располагая, к сожалению, никакими свидетельствами обоих участников бесед...

Прощаясь с Парижем, Карамзин в "Письмах" простился и с Вольцогеном: "Прости, любезный Б*! Мы родились с тобою не в одной земле, но с одинаковым сердцем; увиделись и три месяца не расставались. Сколько приятных вечеров провел я в твоей Сен-Жерменской *отели*, читая привлекательные мечты единокровца и соученика твоего, Шиллера, или занимаясь собственными нашими мечтами, или философствуя о свете, или судя новую комедию, нами вместе виденную! Не забуду наших приятных обедов за городом, наших ночных прогулок, наших рыцарских приключений, и всегда буду хранить нежное, дружеское письмо твое, которое тихонько написал ты в моей комнате за час до нашей разлуки... Я любил всех моих земляков в Париже, но единственно с тобою и с Б* мне грустно было